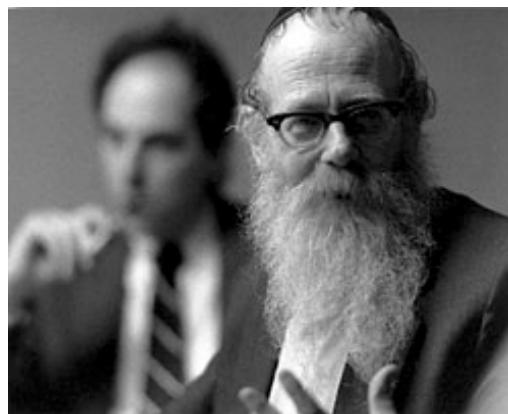

Рабби Адин Штайнзальц

Рабби Адин Штайнзальц - один из известнейших современных специалистов по Талмуду, каббале и хасидизму. Родился в 1937 году в Иерусалиме. Глава Института талмудических исследований, выпускает капитальное комментированное издание Талмуда (вышло более тридцати томов). Автор многочисленных книг по каббале и хасидизму. Глава отделения иудаики Академии мировых цивилизаций в Москве. Из лекции, прочитанной в Институте космических исследований в Москве. 13.10.1988.

Неизбежность Религиозного Подхода в Целостном Мирозерцании.

Вопрос о цели и естественные науки

Сегодня принято считать, что вопрос о цели, “зачем?”, лежит вне пределов науки. Такая точка зрения не всегда была общепринятой. Аристотелевская система знания (причем, не только в философских и этических, но и в естественнонаучных разделах) была в значительной степени построена на телеологических положениях. Этот подход надолго пережил эпоху средневековья, и лишь влияние Галилея и Спинозы привело к замене телеологического подхода механистическим детерминизмом. Более того, в биологии по сей день выдвигаются различные теории, в той или иной степени основанные на теологии. Тем не менее, в целом можно сказать, что современная наука исключает вопрос о цели из сферы своих интересов. То, чтобы было сказано выше о роли причинности в науках о природе, о категории причинности, лежащей в их основе, делает такое отношение не только уместным, но даже просто неизбежно следующим из их самых общих предпосылок. Причинность, о которой говорит наука, описывает связь настоящего с прошлым. Будущее может появляться в научной теории только как непрерывное продолжение прошлого. Эта предпосылка науки в свое время была сформулирована так: “Что было, то и будет” (Экклезиаств 1:9).

Констатация ненаучности вопроса о цели не отрицает сам вопрос. Назвав вопрос о цели ненаучным, мы, естественно, не называем его бессмысленным. Утверждение, что наука интересуется только причиной, а не целью, имеет в виду определение сферы компетенции науки, и не более того; утверждение, что вопрос о цели с научной точки зрения бессмыслен, есть только повторение определения науки - в сущности, тавтология. По сути оно ничем не лучше безусловно истинного утверждения о том, что, с точки зрения сапожного мастерства, лишен смысла вопрос о расстоянии от Земли до Марса: это, несомненно, верно, но относится лишь к выяснению пределов компетенции сапожного искусства, но нисколько не умаляет значимости вопросов о расстоянии между Марсом и Землей, об управлении космическим кораблем или, скажем, о размножении пчел. Проблемы астрономии и энтомологии не теряют своего значения от того, что сапожник не интересуется ими. Пусть, оставаясь в рамках своего ремесла, сапожник равнодушен к этим и многим другим проблемам, но ничто не мешает нашему сапожнику живо заинтересоваться всеми этими проблемами после работы - не как сапожнику, а как мыслящему человеку. То же верно и в обратном направлении: множество вопросов, бессмысленных с точки зрения естественных наук, являются важными в других отношениях. Физика не решает вопроса о том, красива ли данная девушка или является ли данное число простым. Вопросы эстетики и теории чисел не релевантны для изики, поскольку находятся вне пределов ее компетенции.

Многие фундаментальные вопросы не могут быть сформулированы на языке науки, наука не в состоянии анализировать их, а тем более решать.

Сказанное верно не только по отношению к естественным наукам; методология и аппарат общественных наук не в состоянии дать ответ на вопрос, что является прекрасным, равно как и на вопрос о том, что является справедливым. Общественные науки могут проследить историю развития понятия о прекрасном. Возможно даже, им удастся установить причины и закономерности такого развития, объяснить влияние, которое оказывает на закономерности такого развития, объяснить влияние, которое оказывает на общество то, что признается прекрасным; они могут исследовать представления о справедливом, принятые в определенном обществе, и пути формирования этих представлений. Изучение прошлого и даже закономерности, позволяющие заглянуть в будущее, не выводят нас за рамки данной системы причинно-следственных связей. Здесь предел возможностей науки, граница ее компетентности. Нет никакой возможности на этом пути установить, что есть прекрасное, дать принципиальное определение понятия справедливости. Психолог может объяснить различные явления в душевном мире человека, устанавливая связь между различными психическими феноменами, определять закономерности, описывающие психические процессы. Человек науки может документировать явления каннибализма, строить предположения об их генезисе, изучать их

социальные, санитарные, и другие последствия - но не может, оставаясь только ученым, сформулировать какую-либо оценку этих явлений.

До всех этих вопросов - эстетических, этических, философских - науке дела нет; но именно эти вопросы могут быть коренными вопросами человеческого бытия. Тот факт, что проблема цели по самой своей сути лежит вне рамок науки, находясь в своей особой сфере, которая ничего не может дать науке и которой наука не может ничего дать, не уменьшает важности этой проблемы.

Цель и религия

Проблема цели находится в центре внимания религии. Более того, можно сказать, что этическая и правовая системы определяются тем, как религия понимает цель человека и мироздания. Тот факт, что перед человеком поставлена определенная цель, обязывает его направлять свою мысль на достижение этой цели, придерживаться определенного типа поведения. Нет сомнения, что религиозный идеал не дает однозначного определения путей, ведущих к его осуществлению, точно так же как любая цель, стоящая перед человеком, не определяет однозначно путей, ведущих нас по направлению к одной цели. Допустим, существует несколько путей, причем некоторые из них могут оказаться неверными, тупиковыми. Это не меняет того факта, что основная цель и промежуточные цели, порождаемые ею и принадлежащие будущему, определяют наше мышление и поведение в настоящем.

Тесная связь между религией и проблемой цели не ограничивается ролью телеологии в структуре религиозного учения. Существуют более глубокие аспекты этой связи; можно сказать, что любой вопрос “зачем?” по существу несет в себе религиозное содержание. Вопросы “ради чего существует Вселенная?” и “зачем существует общество?” не могут обойтись без априорного постулата о наличии единой точки отсчета для оценки всего существующего. Признание существования такой реальности (неважно - метафизической или материальной), которая является мерилем ценности всего существующего и выше которой ничего нет, является сугубо религиозным постулатом.

Ведь понятие высшего бытия, которое является мерилем всего остального и которое само не может быть сведено ни к какой другой ценности, и есть понятие Божества в самом широком, нетеологическом смысле. Следует подчеркнуть, что представление о Первопричине во временном смысле как о начале всего сущего, предполагающее концепцию причинности естественнонаучного типа, разделяется не всеми религиями; тогда как понятие высшего бытия в ценностно-телеологическом смысле является общим для всех религиозных систем.

Ответ на вопрос “зачем?” не обязательно должен быть религиозным в общепринятом смысле этого слова. Однако, поскольку этот вопрос содержит по сути дела религиозный подтекст, любой ответ на этот вопрос порождает религиозную систему - систему, в которой лежит представление о некоторой абсолютной ценности, об идеале, к которому направлены все устремления. Так, если на вопрос “зачем существует общество?” мы ответим: “для справедливого распределения материальных благ”, - то получим систему, которая являясь материалистической по своему понятийному содержанию, по существу будет религиозной.

Тот, кто полагает, что высшая цель человеческой жизни - пить водку и закусывать икрой, - исповедует определенную религию, пусть материалистическую, гедонистическую и вполне безбожную, но - религию. Ибо здесь налицо вера в абсолютную высшую ценность, в которой невозможно усомниться и которая является мерилем всего остального.

Вопрос о цели может быть поставлен по-разному. Это может быть философская проблема, например, “какова цель существования мира?”, это может быть экзистенциальный поиск смысла человеческого существования, это может быть вполне обыденный вопрос “чего я хочу, к чему стремлюсь в жизни?” Но любой из этих вопросов выводит вопрошающего за пределы наличного бытия, к миру, где будущее определяет настоящее и прошедшее. Иными словами - в мир религии.